

Бовыкин Владимир Валентинович

ПУБЛИЦИСТИКА XV-XVI ВВ. О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Анализируя русскую публицистику XV-XVI вв., автор отмечает, что в начальный период становления единого Русского государства местное самоуправление, в традиционных своих формах, не привлекало особенного внимания писателей-публицистов. Может показаться, что этот вопрос был совершенно не актуален. Тем не менее текстологический анализ "Валаамской беседы" и некоторых посланий Ивана Грозного выявил новые подтверждения того, что центральная власть признавала и высоко оценивала местные самостоятельные структуры управления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Крылов В. М., Семичев В. В.** Званье скромное и гордое кадет: исторические и культурные традиции кадетских корпусов России: монография. СПб.: Петербург – XXI век, 2004. 160 с.
7. **Лалаев М. С.** Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению: от основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетнего благополучного царствования государя императора Александра Николаевича: 1700-1880. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1880-1892. Ч. 1-3. 305 с.
8. **Ломан Н. Л.** Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб.: Тип-я тов-ва «Обществ. польза», 1862. 201 с.
9. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 20. Оп. 1.
10. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 23. Оп. 1/121.

ESTABLISHMENT REASONS, CREATION AND BEGINNING OF ARTILLERY AND ENGINEERING GENTRY CADET CORPS ACTIVITY

Vladimir Nikolaevich Benda, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Philosophy
Leningrad State University named after A. S. Pushkin
bvn.1962@mail.ru

Basing on archival and other sources synthesis the author analyzes the status of artillery and engineering in Russia during post-Peter's time, which poor condition caused transformations both in the sphere of artillery and engineering, and in artillery and engineering cadres training implemented by P. I. Shuvalov at the beginning of the second half of the XVIIIth century, and estimates the activity of P. I. Shuvalov, A. N. Vil'boa and M. I. Mordvinov in the process of the creation and starting-up of Artillery and Engineering Gentry Cadet Corps training officers for artillery and engineering troops.

Key words and phrases: artillery; engineering troops; Artillery and Engineering Gentry Cadet Corps; officers cadres training; P. I. Shuvalov; M. I. Mordvinov; A. N. Vil'boa.

УДК 930.23(47)041

Анализируя русскую публицистику XV–XVI вв., автор отмечает, что в начальный период становления единого Русского государства местное самоуправление, в традиционных своих формах, не привлекало особого внимания писателей-публицистов. Может показаться, что этот вопрос был совершенно не актуален. Тем не менее текстологический анализ «Валаамской беседы» и некоторых посланий Ивана Грозного выявил новые подтверждения того, что центральная власть признавала и высоко оценивала местные самостоятельные структуры управления.

Ключевые слова и фразы: местное самоуправление; организация власти; публицистика XV–XVI вв.; «Валаамская беседа»; послания Ивана Грозного.

Владимир Валентинович Бовыкин

Кафедра истории России с древнейших времен до XX века
Санкт-Петербургский государственный университет
vladimireastock@rambler.ru

ПУБЛИЦИСТИКА XV–XVI ВВ. О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ[©]

Как справедливо отмечали некоторые исследователи, вопрос о формах и способах реализации власти на рубеже XV–XVI вв. был предметом обсуждения в различных общественных кругах, что свидетельствует о его особой актуальности и нерешенности в реальной политике [10, с. 238]. Автор настоящей статьи задался целью выяснить, каким образом проблема реализации власти и управления в крестьянских мирах-общинах в XV–XVI вв. нашла свое отражение в публицистике того времени.

В историографии советского периода преобладало мнение, что публицистика XVI в., стоящая еще на грани деловой письменности и художественной литературы, подняла вопрос о судьбе крестьянства именно как класса с необычайной дотоле остротой [1, с. 211]. Б. Д. Греков писал по этому поводу: «Крестьянский вопрос в публицистике не мог не занять видного места, так как ни у кого из публицистов не было сомнения, что от того или иного его решения зависит судьба всей земледельческой страны» [3, с. 209-230].

В постсоветский период некоторые исследователи стали высказывать сомнения о возможности выстроить единую картину развития общественно-политических идей того времени только на основе деклараций и высказываний современников, справедливо указывая на противоречия между разнородностью, неопределенностью московских концепций и мощью Московского царства как феномена исторического сознания. По мнению М. Б. Плюхановой, с падением марксистско-ленинской методологии на месте разработанной в советский период истории древнерусской публицистики вновь открывается хаос и пустота [11, с. 9, 10].

В полной мере разделяя приведенные выше мнения, автор еще больше укрепился в своем предположении о верно выбранном материале для исследования феномена местного самоуправления в начальный период становления единого Русского государства. И тем сильнее было разочарование, когда в результате текстологического исследования широкого круга произведений публицистики и литературы XV и XVI веков пришлось констатировать почти абсолютное молчание этих источников по интересующему нас вопросу.

«Неужели люди XVI в., прославленные юристы, богословы, историки и философы не задавались вопросами о социальных группах, конструирующих современное им общество?» – риторически, надо полагать, вопрошали некоторые исследователи [15, с. 201]. Задавались, наверное, но «глубоко не копали».

«Передовая» общественная мысль русского Средневековья, обеспечив несколько поколений исследователей информацией к размышлению о проблемах государственного строительства и реализации власти в современном ей мире, попросту «не заметила» интересующего нас аспекта социального устройства России того времени. Узнать что-либо конкретное, существенное о взаимоотношениях центральной власти и самобытных общественных институтов самоуправления либо о самих этих институтах из данного вида источников не представляется возможным.

Очевидно, что вопрос реализации власти и управления в мирах-общинах не казался актуальным или требующим вмешательства «сверху», а состояние «проблемы» было сродни естественному положению вещей. Уму и перу публициста просто не за что было зацепиться. Характерным тому примером является произведение, автор которого ближе других подошел к интересующему нас предмету.

И. И. Смирнов, кажется, первый подсчитал, сколько раз употребляется в «Валаамской беседе» [9, с. 161-177] слово «мир» в разных его значениях. Цифра получилась впечатляющая – шестьдесят один раз, в том числе в семи случаях – «как черная волость или коллектив жителей черной волости» [4, с. 204; 14, с. 201, 251].

Обратимся к тексту. «Отнюдь то есть царское небрежение и простота несказанная, а иноческая бесконечная погибель, что иноком волости владети и мир судити, и от них по христианам приставом ездити, и на поруки их давати...»; «А такое дело не богоугодно, что инокам из миру аки царевым мирским приказным збирати себе всякие царские доходы»; «От беса противно новья благодати – новая ересь, что иноком волости со христианы владети и мир им судити, и на поруки их давати, и приставов по них иноком посылати, и из миру всякие царские доходы, аки царем и прочим мирским властем, инокам собиратьи и мир слезити...»; «Подобает и царем из миру с пощадю собиратьи всякие доходы и дела делать милосердно, а не гневно ни по наносу».

Представляется, что здесь перечислены едва ли не все случаи употребления слова «мир» в памятнике, когда можно придать ему значение «коллектив жителей черной волости». Хотя порой и возникает ощущение некоторой предвзятости или предрасположенности исследователя к такой трактовке. Но, что уж совершенно очевидно, в тексте нет даже и намек на какую-либо форму организации или действия «коллектива».

Для сравнения: словосочетание «волость (вотчина, село, грады) со христианы» употребляется в тексте девятнадцать раз. То, как это сделано, характеризует не только автора памфлета, но и состояние самой проблемы применительно к середине XVI в. Для сочинителя «волость со христианы» экзистенциальна лишь как объект, интерес к которому заключается в возможности его «давать», «жаловати» и «держати», над ним «власть имети», доходы с него «збирати», наконец, осуществлять по отношению к нему судебные функции: «судити... приставом ездити... на поруку давати».

Субъектом права и власти в тех вопросах, которым посвящена «Беседа», «волость со христианы» не является. «Протчие» (кроме князей и бояр) «миряны» удостоены (в буквальном смысле) автором «всякие дела делать» с царем и великим князем. Но они, по-видимому, не имеют отношения к «миру» как общности местных жителей, а, скорее, олицетворяют собой антитезу монастырскому элементу.

Неразрывно связано с «Валаамской беседой» сочинение «Ино сказание тоеже Беседы от видения извет преподобных игуменов Сергия и Германа...». Суммируя свои наблюдения над этим «прибавлением», И. Я. Фроянов делает вывод о том, что автор произведения выступает за такую форму управления государством, которая бы обеспечивала ведущую роль в этом процессе военному сословию и земству «в лице выборных от городов и уездов» [17, с. 422].

«Если составитель “Валаамской беседы” говорит в общем плане о привлечении мирян государем к управлению государством, – объясняет свою позицию И. Я. Фроянов, – то автор “Иного сказания” предлагает институализировать это участие мирян (горожан и крестьян) в государственном управлении посредством постоянно находящегося при государе собрания выборных “от всех градов” и “от уездов тех городов” с ежегодной их ротацией». «Едва ли мы погрешим против истины, – заключает исследователь, – если скажем, что автор “Иного сказания” побуждал русского царя учредить нечто подобное западноевропейскому парламенту» [Там же, с. 427-429].

Обратимся к тексту и добавим несколько своих наблюдений к замечаниям историка. «Подобает благоверным и христолюбивым царем... избранные воеводы своя и войско крепити и царство во благоденство соединити и распространити от Москвы семо и авамо, всюду и всюду» [9, с. 191]. Итак, на начальном этапе установления власти, по мнению публициста, нужна армия, возглавляемая достойными полководцами.

«И грады, аки крепкие и непоколебимые богоутвержденные столпы, крепко скрепити и область вся держати не своей царской храбростию, ниже подвигом, но славным войском и царскою премудрою мудростию» [Там же]. Военная сила не исчерпала еще своего потенциала, но на политическую авансцену автор выводит уже другой инструмент государственного строительства.

«И на таковое дело благое достоин святейшим вселенским патриархом и православным благочестивым папам, и преосвященным митрополитом, и всем священноархиепископом, и епископом, и преподобным архимаритом, и игуменом, и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великих князей на единомысленный вселенский совет» [Там же]. Если не обращать внимания на «вселенского патриарха» (с какой стати он должен благословлять русского царя в таком деле?) и на «православного благочестивого папу» (И. Я. Фроянов правильно назвал «это» нелепостью), то мысль вполне здравая.

Может быть, речь здесь идет не о земском соборе, как, допустим, центральном совещательном органе, но о действительно высоком собрании лиц духовного звания? Отсюда и употребление термина «вселенский» (по аналогии с «вселенским» собором). Смысл и назначение «единомысленного вселенского совета» можно предположить, исходя из состава его участников, тех же самых лиц, которым надлежит «благословити» на организацию собрания царя и великого князя. Это – идеологическое обеспечение высшей власти авторитетом церкви.

«И с радостью царю воздвигнути, и от всех городов своих и от уездов городов тех, без величества и без выскоумных гордости, христоподобною смиренною мудростию, беспрестанно всегда держати погодно при себе и себе ото всяких мер всяких людей, и на всякий день их добре и добре расспросити царю самому о всегодному посту и о покаянии мира всего, и про всякое дело мира сего» [Там же, с. 191, 192]. А вот тут, как кажется, речь зашла уже о настоящем представительном совещательном органе. Царю рекомендуют смирить гордыню (или отказаться от условностей ритуала?) и призвать в помощь для управления государством широкое представительство от жителей из всех уголков страны.

Необычным кажется употребление в тексте слова «мер» (множественное число от «мера»?), значение которого, кажется, можно интерпретировать как род деятельности либо имущественное состояние. Но в чем бы ни «измеряли» «всенародных человек» [5, ст. 54, 55] в середине XVI в., лучше, чем местные власти, сделать это вряд ли кто бы мог. Следовательно, кого как не старост в качестве представителей тяглых миров предполагать в роли лиц, ответственных за отбор «делегатов» и заинтересованных в деле настолько, насколько отобранных лиц будут в Москве расспрашивать о «покаянии мира всего и про всякое дело мира сего».

Таким образом, совершенно не вдаваясь не только в подробности оригинального устройства институтов местной общественной власти и управления, но и вообще их не упоминая, автор «Иного сказания» сразу выводит эти организации на высший уровень управления в государстве. Для публициста не существует никакой проблемы с действующей, традиционной системой самоуправления волостей-общин. Он видит (и решает) лишь проблему взаимодействия центральной власти и самостоятельных миров. И это позволяет говорить об устоявшейся практике общественного самоуправления на местах, о полном согласии с такой практикой московских властей.

Обратимся, наконец, к мнению самого авторитетного (в вопросах государственного строительства в том числе) «публициста» второй половины XVI в. Мы не отыщем здесь теорий или концепций, касающихся местного самоуправления. Зато, например, обнаружим интересную деталь, которая дает некоторое представление о том, как сам Иван IV понимал статус лидера местной общины – мира, волостного старосты.

Как ни странно, но эта информация содержится в послании русского царя шведскому королю Иоганну III. В своем письме Иван Васильевич сравнивает отца шведского монарха с волостным старостой: «Отец твой у них в головах, кабы староста в волости» [12, с. 156]. Попытаемся при помощи «метода» деконструкции преодолеть заданные рамки этого и других исходных текстов, сочиненных Иваном Грозным.

«А что писал еси о брате своем Ирике короле, будто нам его для было с тобой война начати, и то смеху подобно...» – на эту строчку из письма царя Д. С. Лихачев обратил особое внимание. Исследователь считал, что высмеять оппонента или объявить его положение смешным означало для Грозного уничтожить противника духовно [6, с. 33]. «Осмеянию» подвергся не только повод для войны, но и весь род новой династии Ваз «как подозрительных проходимцев “мужичьего” происхождения» [12, с. 498].

Если не принимать во внимание общий издевательски-насмешливый тон послания, то рассуждения русского царя о том, почему шведский король был похож на волостного старосту, можно посчитать за вольное изложение общего формуляра из местнической (разрядной) книги, куда записывались члены органов местного самоуправления (разумеется, если бы таковая существовала). Статус «должностного лица» по отношению к его окружению определен Иваном IV лаконично, но в целом достаточно понятно.

Староста возглавляет («в головах») уполномоченных или избранных («послы», «советники») от своей местности («земля»). Староста и группа возглавляемых им людей делают некое общее дело заодно («товарищи»). Присяга («целовати крест») – необходимый атрибут исполнения должности и одновременно поручительство за «товарищей» перед внешним контрагентом [7, с. 3-16].

«Если бы у вас было настоящее королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля не считались бы за товарищей, и землю к именам великих государей не приписывают», – считает царь. Наконец, совершенно невозможно назвать избранного шведского короля великим государем и признать его равным себе, поскольку тот должен «целовати крест за всю Свейскую державу» и иметь этому подтверждение, поруку от главы церкви архиепископа Упсальского [12, с. 344, 345].

Стоящий во главе земской избы староста был настолько привычным явлением в России в 1570-х годах [2, с. 49], что царь Иван Васильевич даже не помыслил о том, что его адресат в Швеции может не понять насмешки и «не оценить по достоинству» сравнение своего отца с волостным старостой. Возможно также, что

автор попросту не счел нужным пояснить что-либо по этому поводу, поскольку шведы должны были иметь представление, о чем идет речь.

Во всяком случае, прямого доступа к «первому лицу» в Москве у шведских королей никогда не было. Все сношения происходили через новгородских наместников [12, с. 622]. «На нашей вотчине в великом Новгороде сидят наши бояре и намесники извечных прирожденных государей дети и внучата, а иные ордынских царей дети, а иные Полские короны и великого князя Литовского брата, а иные великих княжеств Тверского и Рязанского и Суздальского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди» [13, с. 20], – «утешал» царь другого шведского короля. Однако шведы настаивали: «Государь наш король Ирик на Свейской земле король помазанный и со всеми короли с ближними и з дальними в братстве и одиначестве» [Там же, с. 91]. В ответ на претензии сравняться «по достоинству» с русским царем, им указали соответствующее их статусу место в иерархии чинов Русского государства – староста в волости.

Возможности «ссылаться» с царем напрямую, «мимо наместников», «того не выкупа у нас, чем пригоже, не видать будет» – предупреждал венценосный автор. Что это, как не отсылка к практике «наместничьего откупа»? То ли лицедействуя, то ли всерьез Иван Васильевич предлагает Иоганну III: «Будет тебе любо ссылаться с нами мимо наместников, и ты нам покорися и поддайся, и что будет пригоже, тем нас почти, и мы тебя пожалуем, от наместников отведем...» [12, с. 158].

Как-то само собой получилось так, что, предприняв попытку «высмеять» низкое происхождение новой королевской династии, Иван IV одновременно вознес и в их глазах, и в своих собственных, и перед всеми, кто имел удовольствие прочесть послание, достоинство волостного старосты. Сравнение шведского короля с русским старостой, конечно, оскорбляло честь первого, чего нельзя, как кажется, сказать о втором. Надо полагать, работая над текстом послания, автор имел возможность воспользоваться этим конкретным приемом сравнения и развить тему [18, с. 353]. Чего, однако, не случилось. Руководитель местного самоуправления, занимающий соответствующее (достойное и уважительное) положение в русском обществе XVI в., не стал объектом интеллектуальных манипуляций ведущего публициста страны. Грозный, единожды прибегнув к упоминанию в совершенно конкретном контексте фигуры лидера местной крестьянской общины, предпочел духовно уничтожить Иоганна иными риторическими приемами.

В другом своем письме Иван IV критикует «коллегу» за неправильное, на его взгляд, построение властных отношений. Следует сказать, что эта критика отражает лишь представления самого царя о предмете, но не совсем корректна по отношению к адресату [16, с. 57-59]. «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка, – пишет он английской королеве Елизавете, – ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков». В своей державе царь с таким положением дел категорически бы не согласился. «Люди» и другие «мужики торговые», которые «мимо» государя «владеют», должны, кроме своих интересов, по мнению Грозного, блюсти интересы государства. В противном случае, «они посмотрят, как учнут торговати» – слышится глухая угроза в словах самодержца [12, с. 142, 143].

«Никакие купцы не управляют у нас государством и делами, – возмутилась в ответ Елизавета, – мы сами печемся о ведении дел, как приличествует деве и королевне, поставленной преблагим и превысочайшим Богом... никакому государю не оказывается более повиновения его подданными, чем нашим народом» [16, с. 120]. Кажется, царь не был извещен должным образом с самого начала (или сделал вид), что переговоры с его послом Андреем Совиным вели члены королевского тайного совета [Там же, с. 23]. «И будет у тебя радные люди ино то так пригож. Будет жо торговые мужики ино было про их писати не пригоже той они почести недостойны», – несколько смягчил свою, казалось, непримиримую позицию относительно «людей» Иван IV [Там же, с. 122].

Десять лет спустя царь вспомнит о торговых мужиках в послании польскому королю Стефану Баторию. Автор разъясняет адресату свою позицию по спорному вопросу и прибегает к такому интересному сравнению: «Ино та земля была особная, а у нас была наша вотчина в прикладе, и жили в ней все немецкие люди, а писали перемирные грамоты с нашими вотчинами Великим Новымгородом и со Псковом по нашему жалованью, как мы им велим, по тому как мужики волостные меж себя записы пишут, как им торговати, а не по тому, как государи меж себе перемирные пишут» [12, с. 227].

Не будем поднимать здесь вопрос о том, насколько действительность в «политических» взаимоотношениях московского великого князя, администраций Новгорода и Пскова, спорной вотчины с особым режимом управления («в прикладе») соответствовала написанному. Важно, что эти взаимоотношения приравнены царем к порядку, в соответствии с которым «мужики волостные меж себя записы пишут, как им торговати». И то, и другое делается по высочайшему пожалованию и повелению. Статус объектов управления, в данном случае, как это представляет один верховный управитель другому, ничем не различается.

И более того. Отношение царя к практике управления «городами и областями» представителями того класса, к которому принадлежал, например, Андрей Курбский, крайне негативное. «Тако же убо и ваше хотение, еже вы на градах и властях совладети, иде же вам быти не подобает. И чего от сего случившася в Росии, егда быша в коеждом граде градоначальницы и местоблюстители, и какова разорения быша от сего и сам беззаконными очима видел еси, и отселе можеша разумети, что сие есть», – напоминает Иван Грозный бывшему своему воеводе. И подкрепляет мысль ссылкой на Святое Писание: «К сему же и пророк рече: Горе дому, имже жена обладает; горе граду, имже мнози обладают» [Там же, с. 27, 28].

Ничего подобного про волостных мужиков или старост не исходит из уст самодержца. Предмет, предположим, низкий и не пригожий для государственного дела, но, когда не хватает аргументов в споре, вполне мог бы пригодиться. Но вот оказывается, что волостной староста по своему функционалу и положению в обществе походит на шведского короля, а волостные мужики владеют ровно теми же бюрократическими приемами в торговом деле, что и высокая администрация царских вотчин в своих не менее высоких делах.

Представляется, что импровизации самодержца в дипломатической переписке не преследовали цели оставить потомкам или выставить на всеобщее обозрение его мысли относительно задач государственного устройства. Вопросы в письмах решались сиюминутные, рабочие. Определенная поза, конечно, принималась, но лицедейство не вторгалось в область «между строк». Царь, таким образом, как бы проговорился. Тем ценнее и, видимо, достовернее информация.

Таким образом, то немногое, что содержится в русской публицистике XV и XVI вв. о власти и управлении на нижних этапах современного ей социума, убедительно свидетельствует об устойчивости традиционных форм местной самоорганизации, признании и высокой оценке центральной властью самобытных органов местного самоуправления.

Список литературы

1. **Адрианова-Перетц В. П.** Крестьянская тема в литературе XVI века // Труды Отдела древнерусской литературы. М. – Л., 1954. Т. 10. С. 200-211.
2. **Аракчеев В. А.** Кормления и земские миры: к вопросу о географии и хронологии реформы 1551-1556 годов // Отечественная история. 2007. № 6. С. 39-50.
3. **Греков Б. Д.** Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Кн. 2. 471 с.
4. **Зимин А. А.** «Беседа Валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства // Труды Отдела древнерусской литературы. 1955. Т. 11. С. 198-208.
5. **Курбский А. М.** История о великом князе Московском: извлеч. из «Сочинений князя Курбского». СПб.: Имп. Археогр. комис., 1913. VIII+194 стб.
6. **Лихачев Д. С.** Лицедейство Грозного (к вопросу о смеховом стиле его произведений) // Лихачев Д. С., Паненко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 25-35.
7. **Лотман Ю. М.** «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности: сб. ст. / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1981. С. 3-16.
8. **Лурье Я. С.** Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана IV // Лихачев Д. С., Лурье Я. С. Послания Ивана Грозного. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 468-519.
9. **Моисеева Г. Н.** «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики середины XVI века. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 199 с.
10. **Морозова Л. Е.** Иван Грозный и публицисты XVI века о пределах и характере царской власти // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М.: РАН, 1995. С. 236-251.
11. **Плюханова М. Б.** Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 334+1 с.
12. **Послания Ивана Грозного** / подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. 715 с.
13. **Сборник Императорского Русского исторического общества.** СПб.: Императорское Русское историческое общество, 1910. Т. 129. 591 с.
14. **Смирнов И. И.** «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI в. // Исторические записки. 1945. Вып. 15. С. 247-261.
15. **Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю.** Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей-2001. Человек в истории: русская культура как исследовательская проблема: сб. ст. М.: Наука, 2001. С. 199-215.
16. **Толстой Ю. В.** Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553-1593: грамоты, собранные, переписанные и изд. Юрием Толстым. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875. 563 с.
17. **Фроянов И. Я.** Грозная опричнина. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. 560 с.
18. **Шмидт С. О.** Заметки о языке посланий Ивана Грозного // Памятники письменности в культуре познания истории России. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. Допетровская Русь. Кн. 1. С. 352-363.

SOCIAL AND POLITICAL ESSAYS OF THE XVTH-XVITH CENTURIES ABOUT LOCAL SELF-ADMINISTRATION IN RUSSIAN STATE

Vladimir Valentinovich Bovykin

*Department of Russian History from Ancient Times till the XXth Century
St. Petersburg State University
vladimireastock@rambler.ru*

Analyzing Russian social and political essays of the XVth-XVIth centuries the author shows that local self-administration, in its traditional forms, did not attract political essays writers' special attention during the initial period of the united Russian state formation. It may seem that this question was completely irrelevant. However the textual analysis of "Valaam Conversation" and some letters of Ivan the Terrible revealed new confirmations that central authorities recognized and highly appreciated local self-regulating structures of administration.

Key words and phrases: local self-administration; organization of power; social and political essays of the XVth-XVIth centuries; "Valaam Conversation"; messages of Ivan the Terrible.